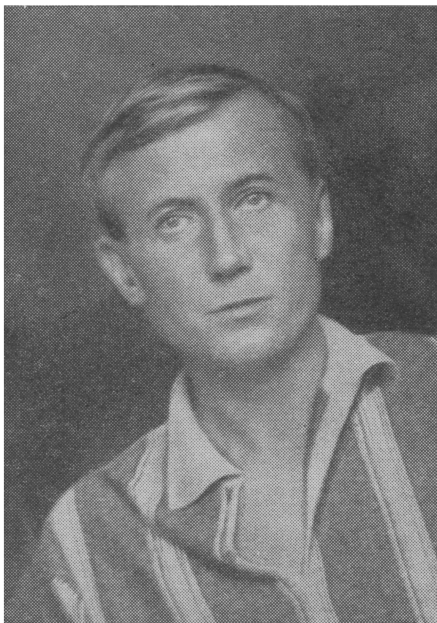


БИБЛИОТЕКА

**ОГОНЁК**

№ 5

1966



*Евг. ЕВТУШЕНКО*

**СО МНОЮ ВОТ  
ЧТО ПРОИСХОДИТ...**

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА»  
МОСКВА

Евг. ЕВТУШЕНКО

СО МНОЮ ВОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ...

*Избранная лирика*

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1966

## Евг. ЕВТУШЕНКО

Евгений Александрович Евтушенко родился 18 июля 1933 года на станции Зима, Иркутской области. Работал в колхозе, затем в геологоразведочных экспедициях в Казахстане и на Алтае — старшим рабочим и коллектором. Первые стихи были опубликованы в 1949 году. Автор поэтических сборников «Разведчики грядущего», «Третий снег», «Шоссе энтузиастов», «Стихи разных лет», «Обещание», «Яблоко», «Лук и лира», «Взмах руки», «Нежность». Последняя большая работа — поэма «Братская ГЭС».

Неоднократно печатался в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Огоньке», «Юности», «Новом мире», автор популярных песен «Хотят ли русские войны», «Бежит река», «В нашем городе дождь», «А снег идет», «Вальс о вальсе», «Пока убийцы ходят по земле», «Не спеши», «Товарищ гитара». На слова Евг. Евтушенко композитором Д. Д. Шостаковичем создана 13-я симфония и симфоническая поэма «Казнь Степана Разина».

Евг. Евтушенко много ездил по Советскому Союзу, побывал в Болгарии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Гане, Того, Либерии, Сенегале, Кубе, Западной Германии, Франции, Италии, Англии, Дании, Австрии, Финляндии, США.

Стихи его переводились на болгарский, румынский, венгерский, албанский, польский, чешский, сербскохорватский, немецкий, французский, английский, испанский, финский, шведский, норвежский, японский, хинди, иврит, португальский, итальянский и языки народов СССР.

В настоящее время работает над стихами и прозой.

---

\* \* \*

Б. Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:  
ко мне мой старый друг не ходит,  
а ходят в праздной суете  
разнообразные не те...

И он  
не с теми ходит где-то,  
и тоже понимает это,  
и наш раздор необъясним,  
и оба мучаемся с ним...

Со мною вот что происходит:  
совсем не та ко мне приходит,  
мне руки на плечи кладет  
и у другой меня крадет.  
А той,

скажите, бога ради,  
кому на плечи руки класть?  
Та,

у которой я украден,  
в отместку тоже станет красть.  
Не сразу этим же ответит,  
а будет жить с собой в борьбе  
и неосознанно наметит  
кого-то,  
дальнего себе.

О, сколько  
нервных и недужных,  
ненужных связей,  
дружб ненужных!  
Во мне уже осатаненность!

О кто-нибудь,  
приди,  
нарушь  
чужих людей соединенность  
и разобщенность  
близких душ!

1959.

## ОДИНОЧЕСТВО

Как стыдно одному ходить в кинотеатры  
без друга,

без подруги,  
без жены,  
где так сеансы все коротковаты,  
и так их ожидания длинны!

Как стыдно

в нервной замкнутой войне  
с насмешливостью парочек в фойе  
жевать,

краснея,  
в уголке пирожное,  
как будто что-то в этом есть порочное..

Мы,

одиначества стесняясь,

от тоски  
бросаемся в какие-то компании;  
и дружб ничемных обязательства кабальные  
преследуют до гробовой доски.

Компании нелепо образуются:

в одних все пьют да пьют,

не образумятся.

В других все заняты лишь тряпками и девками,  
а в третьих —

вроде спорами идейными,  
но приглядишься:

те же в них черты...

Разнообразны формы суеты!

То та,

то эта шумная компания...

5

я не цветы привез ей,  
а вино.  
Но оказалось все куда сложнее.  
Она молчала,  
и совсем сиротски  
две капельки прозрачных —  
две сережки  
дрожали в мочках розовых у ней.  
И, как больная, глядя так невнятно,  
поднявши тело слабое свое,  
сказала глухо:

«Уходи.

Не надо.

Я  
вижу,  
ты не мой,  
а ты —  
ее...»

Меня любила девочка одна  
с повадками мальчишескими дикими,  
с летящей челкой  
и глазами-льдинками,  
от страха и от нежности бледна.  
В Крыму мы были.  
Ночью шла гроза.  
И девочка под молнию магнийной  
шептала мне:

«Мой маленький!

Мой маленький!», —

ладонью закрывая мне глаза.  
Вокруг все было жутко и торжественно:  
и гром,

и моря стон глухонемой.  
И вдруг она,  
полна прозренья женского,  
мне закричала:

«Ты не мой!

Не мой!»

Прощай, любимая!

Я твой —  
угрюмо,  
верно,  
и одиночество —  
всех верностей верней.

Пусть на губах моих не тает вечно  
прощальный снег от варежки твоей.  
Спасибо женщинам,  
прекрасным и неверным,  
за то, что это было все мгновенным,  
за то, что их «Прощай!»  
не «До свиданья!»,  
за то, что, в лживости так царственно горды,  
даруют нам блаженные страданья  
и одиночества прекрасные плоды.

1960.

## НЕ НАДО

Не надо...

Все призрачно —

и темных окон матовость,  
и алый снег за стоп-сигналами машин.

Не надо...

Все призрачно,

как сквер туманный мартовский,  
где нет ни женщин, ни мужчин —  
лишь тени женщин и мужчин.

Не надо...

Стою у дерева,

молчу и не обманываю,  
гляжу, как сдвоенные светят фонари,  
и тихо трогаю рукой,

но не обламываю  
сосульку тоненькую с веточкой внутри.

Не надо...

Пусть в бултыхающемся заспанном трамвайшке  
с Москвой,

качающейся мертвенно в окне,  
ты,

подперев щеку рукою в детской варежке,  
со злостью женской вспоминаешь обо мне.

Не надо...

Ты станешь женщиной,

усталой, умной женщиной,  
по слову доброму и ласке голодна,  
и будет март,

и будет мальчик, что-то шепчущий,  
и будет горестно кружиться голова.



Не надо...

Пусть это стоит, как и мне, недешево,  
с ним не ходи вдвоем по мартовскому льду,  
ему на плечи свои руки ненадежные  
ты не клади,

как я сегодня не кладу.

Не надо...

Не верь, как я не верю,  
призрачному городу,  
не то,  
очнувшись,

ужаснешься пустырю.

Скажи «Не надо!»,

опустивши низко голову,  
как я тебе сейчас

«Не надо...»

говорю.

1960.

## ПО ПЕЧОРЕ

За ухой, до слез перченной,  
сочиненной в котелке,  
спирт, разбавленный Печорой,  
пили мы на катерке.

Катерок плясал по волнам  
без гармошки трепака  
и о льды на самом полном  
обдирал себе бока.

И плясали мысли наши,  
как стаканы на столе,  
то о Даше, то о Маше,  
то о каше на земле.

Я был вроде и не пьяный,  
ничего не упускал.  
Как олень под снегом ягель,  
под словами суть искал.

Но в разброде гомонившем  
не добрался я до дна,  
ибо суть — и говорившим  
не совсем была ясна.

Люди все куда-то плыли  
по работе, по судьбе.  
Люди пили, люди были  
неясны самим себе.

Оглядел я, вздрогнув, кубрик:  
понимает ли рыбак,  
тот, что мрачно пьет и курит,  
отчего он мрачен так?

Понимает ли завскладом,  
продовольственный колосс, —  
что он спрашивает взглядом  
из-под слипшихся волос?

Понимает ли, сжимая  
локоть мой, товаровед —  
что он выяснить желает?  
Понимает или нет?

Кулаком старпом грохочет.  
Шерсть дымится на груди.  
Ну, а что сказать он хочет —  
разбери его поди.

Все кричат: предсельсовета,  
из рыбкопа чей-то зам.  
Каждый требует ответа,  
а на что — не знает сам.

Ах, ты, матушка Россия,  
что ты делаешь со мной?  
То ли все вокруг смурные?  
То ли я один смурной?

Я из кубрика на волю,  
но, суденьшко креня,  
вопрошающие волны  
навалились на меня.

Вопрошали что-то искры  
из трубы у катерка,  
вопрошали извы, избы,  
птицы, звери, облака.

Я прийти в себя пытался,  
и под крики птичьих стай  
я по палубе метался,  
как по льдине горностаи.

А потом увидел ненца.  
Он, как будто на холме,  
восседал надменно, немо,  
словно вечность, на корме.

Тучи шли над ним, нависнув,  
ветер бил в лицо, свистя,  
ну, а он молчал недвижно —  
тундры мудрое дитя.

Я застыл, воображая —  
вот кто знает все про нас.  
Но взгляделся — вопрошали! —  
щелки узенькие глаз.

«Неужели, — как в тумане  
крикнул я сквозь рев и гик, —  
все себя не понимают  
и тем более — других?»

Мои щеки повлажнели.  
Вихорь брызг меня шатал.  
«Неужели? Неужели?  
Неужели?» — я шептал.

«Может быть, я мыслю грубо?  
Может быть, я слеп и глух?  
Может, все не так уж глупо —  
просто сам я мал и глуп?»

Катерок то погружался,  
то взлетал, седым-седой.  
Грудью к тросам я прижался,  
наклонился над водой.

«Ты ответь мне, колдовская,  
голубая глубота,  
отчего во мне такая  
горевая глупота?»

Езжу, плаваю, летаю,  
все куда-то тороплюсь,  
книжки умные читаю,  
а умней не становлюсь.

Может, поиски, метанья —  
не причина тосковать?  
Может, смысл существования  
в том, чтоб смысл его искать?»

Ждал я, ждал я в криках чаек,  
но ревела у борта,  
ничего не отвечая,  
голубая глубота.

1963.

\* \* \*

Когда взошло твое лицо  
над жизнью скомканной моею,  
вначале понял я лишь то,  
как скудно все, что я имею.

Но рощи, реки и моря  
оно особо осветило  
и в краски мира посвятило  
непосвященного меня.

Я так боюсь, я так боюсь  
конца неожиданного восхода,  
конца открытий, слез, восторга,  
но с этим страхом не борюсь.

Я понимаю, этот страх  
и есть любовь. Его лелею,  
хотя лелеять не умею,  
своей любви небрежный страж.

Я этим страхом взят в кольцо.  
Мгновенья эти, знаю, кратки,  
и для меня исчезнут краски,  
когда зайдет твое лицо...

1961.

Ты начисто притворства лишена,  
когда молчишь со взглядом напряженным,  
как лишена притворства тишина  
беззвездной ночью в городе сожженном.

Он, этот город,— прошлое твое.  
В нем ты почти ни разу не смеялась.  
Бросалась то в тряпье, то в забытье,  
то бунтовала, то опять смирялась.

Ты жить старалась из последних сил,  
но, отвергая все живое хмуро,  
он, этот город, на тебя давил  
угрюмостью своей архитектуры.

В нем изнутри был заперт каждый дом.  
В нем было все недобро умудренным.  
Он не скрывал свой тягостный надлом  
и ненависть ко всем, кто не надломлен.

Тогда ты ночью подожгла его.  
Испуганно от пламени метнулась,  
и я был просто первым, на кого  
ты, убегая, в темноте наткнулась.

Я обнял всю дрожавшую тебя,  
и ты ко мне испуганно прижалась,  
еще не понимая, не любя,  
но, как зверек, благодаря за жалость.

И мы с тобой пошли. Куда пошли?  
Куда глаза глядят. Но то и дело  
оглядывалась ты, как там, вдали,  
зловеще твое прошлое горело.

Оно сгорело до конца, дотла,  
но с той поры одно меня тиранит:  
туда, где неостывшая зола,  
тебя, как зачарованную, тянет.

И вроде ты со мной, и вроде нет.  
На самом деле я тобою брошен.  
Неся в руке голубоватый свет,  
по пепелищу прошлого ты бродишь.

Что там тебе? Там пусто и темно!  
О прошлого таинственная сила,—  
ты не могла любить его само,  
ну, а его руины полюбила.

Могущественны пепел и зола.  
Они в себе, наверно, что-то прячут.  
Над тем, что так отчаянно сожгла,  
по-детски поджигательница плачет.

1962.

### ЛИШНЕЕ ЧУДО

Все, ей-богу же, было бы проще  
и, наверно, добрей и мудрей,  
если б я не сорвался на просьбе —  
необдуманной просьбе моей.

И во мгле, настороженной чутко,  
из опавших одежд родилось  
это белое, лишнее чудо  
в темном облаке грешных волос.

А когда я на улицу вышел,  
то случилось, чего я не ждал, —  
только снег над собою услышал,  
только снег под собой увидал.

Было в городе строго и лыжно.  
Под сугробами спряталась грязь,  
и летели сквозь снег неподвижно  
опушенные краны, кренясь.

Ну зачем, почему и откуда,  
от какой неразумной любви  
это новое лишнее чудо  
вдруг свалилось на плечи мои?

Лучше б, жизнь, ты меня ударила —  
из меня наломала бы дров,  
чем бессмысленно так одарила —  
тяжелее от этих даров.

Ты добра, и к тебе не придраться,  
но в своей сердобольности зла.  
Если б ты не была так прекрасна,  
ты бы страшной такой не была.

И тот бог, что кричит из-под спуда,  
где-то там, у меня в глубине,  
тоже, может быть, лишнее чудо?  
Без него бы спокойнее мне?

Так по белым пустым тротуарам,  
и казнясь и кого-то казня,  
брел и брел я, раздавленный даром  
красоты, подкосившей меня...

1965.

\* \* \*

Всегда найдется женская рука,  
чтобы она, прохладна и легка,  
жалая и немножечко любя,  
как брата, успокоила тебя.

Всегда найдется женское плечо,  
чтобы в него дышал ты горячо.  
припав к нему беспутной головой,  
ему доверив сон мятежный свой.

Всегда найдутся женские глаза,  
чтобы они, всю боль твою глуша,  
а если и не всю, то часть ее,  
увидели страдание твое.

Но есть такая женская рука,  
которая особенно сладка,  
когда она измученного лба  
касается, как вечность и судьба.

Но есть такое женское плечо,  
которое, неведомо за что,  
не на ночь, а навек тебе дано,  
и это понял ты давным-давно.

Но есть такие женские глаза,  
которые глядят, всегда грустя,  
и это до последних твоих дней  
глаза любви и совести твоей.

А ты живешь себе же вопреки,  
и мало тебе только той руки,  
того плеча и тех печальных глаз...  
Ты предавал их в жизни столько раз!

И вот оно, возмездье, настает.  
«Предатель!» — Дождь тебя наотмашь бьет.  
«Предатель!» — Ветки хлещут по лицу.  
«Предатель!» — Эхо слышится в лесу.

Ты мечешься, ты мучишься, грустишь.  
Ты сам себе все это не простишь,  
и только та прозрачная рука  
простит, хотя обида и тяжка,

и только то усталое плечо  
простит сейчас, да и простит еще,  
и только те печальные глаза  
простят все то, чего прощать нельзя...

1962.

## ТАЙНЫ

Тают отроческие тайны,  
как туманы на берегах.  
Были тайнами Тони, Тани,  
даже с цыпками на ногах.

Были тайнами звезды, звери,  
под осинами стайки опят,  
и скрипели таинственно двери —  
только в детстве так двери скрипят.

Возникали загадки мира,  
словно шарики изо рта  
обольстительного факира,  
обольщающего неспроста.



Мы таинственно что-то шептали  
на таинственном льду катка,  
и пугливо, как тайна к тайне,  
прикасалась к руке рука.

Но пришла неожиданно взрослость.  
Износивший свой фрак до дыр  
в чье-то детство, как в дальнюю область,  
гастролировать убыл факир.

Где вы, шарики колдовские?  
Нетаинственно мы грустим.  
Нетаинственны нам другие,  
да и мы нетаинственны им.

Ну, а если рука случайно  
прикасается, глядя слегка,  
это только рука, а не тайна..  
Понимаете, только рука!

Дайте тайну, простую-простую,  
тайну — робость и тишину,  
тайну худенькую, босую..  
Дайте тайну, хотя бы одну!  
1962.

## ЛЮДИ

*С. Преображенскому*

Людей неинтересных в мире нет,  
Их судьбы, как истории планет,  
У каждой все особое, свое,  
и нет планет, похожих на нее.

А если кто-то незаметно жил  
и с этой незаметностью дружил,  
он интересен был среди людей  
самой неинтересностью своей.

У каждого свой тайный личный мир.  
Есть в мире этом самый лучший миг.  
Есть в мире этом самый страшный час.  
Но это все неведомо для нас.

И если умирает человек,  
с ним умирает первый его снег,  
и первый поцелуй, и первый бой...  
Все это забирает он с собой.

Да, остаются книги и мосты,  
машины и художников холсты;  
да, многому остаться суждено,  
но что-то ведь уходит все равно.

Таков закон безжалостной игры.  
Не люди умирают, а миры.  
Людей мы помним, грешных и земных...  
А что мы знали, в сущности, о них?

Что знаем мы про братьев, про друзей?  
Что знаем о единственной своей?  
И про отца родного своего  
мы, зная все, не знаем ничего.

Уходят люди... Их не возвратить.  
Их тайные миры не возродить.  
И каждый раз мне хочется опять  
от этой невозвратности кричать...

1962.

### **ТРЕТЬЯ ПАМЯТЬ**

У всех такой бывает час:  
тоска липучая пристанет,  
и, догола разоблачась,  
вся жизнь бессмысленной предстанет.

Подступит мертвый хлад к нутру,  
и, чтоб себя переупрямить,  
как милосердную сестру,  
зовем почти бессильно память.

Но в нас порой такая ночь,  
такая в нас порой разруха,  
когда не могут нам помочь  
ни память сердца, ни рассудка.

Уходит блеск живой из глаз.  
Движенья, речь — все помертвело.  
Но третья память есть у нас,  
и эта память — память тела.

Пусть ноги вспомнят наяву  
и теплоту дорожной пыли  
и холодящую траву,  
когда они босыми были.

Пусть вспомнит бережно щека,  
как утешала после драки  
доброшершавость языка  
всепонимающей собаки.

Пусть виновато вспомнит лоб,  
как на него, благословляя,  
лег поцелуй, чуть слышно лег,  
всю нежность матери являя.

Пусть вспомнят пальцы хвою, рожь,  
и дождь, почти не ощутимый,  
и дрожь воробышка, и дрожь  
по нервной холке лошадиной.

Пусть вспомнят губы о губах.  
В них лед и огонь. В них мрак со светом.  
В них целый мир. Он весь пропах  
и апельсинами и снегом.

И жизни скажешь ты: «Прости!  
Я обвинял тебя вслепую.  
Как тяжкий грех, мне отпусти  
мою озлобленность тупую.

И если надобно платить  
за то, что этот мир прекрасен,  
ценой жестокой — так и быть,  
на эту плату я согласен.

Но и превратности в судьбе,  
но и удары и утраты,  
жизнь, за прекрасное в тебе  
такая ли большая плата?!»

1963.

\* \* \*

Очарованья ранние прекрасны.  
Очарованья ранами опасны.  
Но что с того! — ведь мы над суетой  
к познанию наивысшему причастны,  
спасенные счастливой слепотой.

И мы, не опасаясь оступиться,  
со зрячей точки зрения глупы,  
проносим очарованные лица  
среди разочарованной толпы.

От быта, от житейского расчета,  
от бледных скептиков и розовых прониц  
нас тянет вдаль мерцающее что-то,  
преображая отсветами мир.

Но неизбежность разочарований  
дает прозренья... Все по сторонам  
приобретает разом очертанья,  
до этого неведомые нам.

Мир предстает не брезжа, не туманясь,  
особенным ничем не осиян,  
но чудится, что эта безобманность —  
обман. А то, что было, не обман.

Ведь не способность быть премудрым змием,  
не опыта сомнительная честь,  
а свойство очаровываться миром  
нам открывает мир, какой он есть.

Вдруг некто с очарованным лицом  
мелькнет, спеша на дальнее мерцанье,  
и вовсе нам не кажется слепцом —  
самим себе мы кажемся слепцами...

1963.

## СМЕЯЛИСЬ ЛЮДИ ЗА СТЕНОЙ

*Е. Ласкиной*

Смеялись люди за стеной,  
а я глядел на эту стену  
с душой, как с девочкой больной,  
в руках, пустевших постепенно.

Смеялись люди за стеной.  
Они как будто измывались.  
Они смеялись надо мной,  
и как бессовестно смеялись!

На самом деле там, в гостях,  
устав кружиться по паркету,  
они смеялись просто так —  
не надо мной и не над кем-то.

Смеялись люди за стеной,  
себя вином подогревали,  
и обо мне с моей больной,  
смеясь, и не подозревали.

Смеялись люди... Сколько раз  
я тоже, тоже так смеялся,  
а за стеною кто-то гас  
и с этим горестно смирялся,

И думал он, бедой гоним  
и ей почти уже сдаваясь,  
что это я смеюсь над ним  
и, может, даже издеваюсь.

Да, так устроен шар земной  
и так устроен будет вечно:  
рыдает кто-то за стеной,  
когда смеемся мы беспечно.

Но так устроен шар земной  
и тем вовек неувядаем:  
смеется кто-то за стеной,  
когда мы чуть ли не рыдаем.

И не прими на душу грех,  
когда ты мрачный и разбитый,  
там, за стеною, чей-то смех  
сочешь завистливо обидой.

Как равновесье — бытие.  
В нем зависть — самооскорбленье.  
Ведь за несчастье твое  
чужое счастье — искупленье.

Желай, чтоб в час последний твой,  
когда замрут глаза, смыкаясь,  
смеялись люди за стеной,  
смеялись, все-таки смеялись!

1963,

\* \* \*

Я, как поезд,  
что мечется столько уж лет  
между городом Да  
и городом Нет.  
Мои нервы натянуты,  
как провода,  
между городом Нет  
и городом Да.

Все мертво, все запугано в городе Нет.  
Он похож на обитый тоской кабинет.  
В нем накупился замкнуто каждый предмет.  
В нем глядит подозрительно каждый портрет.  
По утрам натирают в нем желчью паркет.  
В нем диваны — из фальши, в нем стены — из бед,  
Черта с два в нем получишь ты добрый совет,  
или, скажем, букет, или просто привет.  
Пишмашинки стучат под копирку ответ:  
«Нет-нет-нет... нет-нет-нет... нет-нет-нет...»  
А когда совершенно погасится свет,  
начинают в нем призраки мрачный балет.  
Черта с два — хоть подохни! — получишь билет,  
чтоб уехать из черного города Нет...

Ну, а в городе Да жизнь, как песня дрозда.  
Этот город без стен, он — подобье гнезда.  
С неба просится в руки любая звезда.  
Просят губы любые твоих без стыда,  
бормоча еле слышно: «А, все ерунда!»  
И сорвать себя просит, дразня, резеда,  
и, мыча, молоко предлагают стада,  
и ни в ком подозрения нет ни следа,  
и, куда ты захочешь, мгновенно туда  
принесут поезд, самолеты, суда,

и, журча, как года, чуть лепечет вода:  
«Да-да-да... да-да-да... да-да-да...»  
Только скучно, по правде сказать, иногда,  
что дается мне столько почти без труда  
в разноцветно светящемся городе Да...

Пусть уж лучше мечусь до конца моих лет  
между городом Да  
и городом Нет!  
Пусть уж нервы натянуты, как провода,  
между городом Нет  
и городом Да!

1964.

### ЛЮБИМАЯ, СПИ...

Соленые брызги блестят на заборе.  
Калитка уже на запоре.  
И море,  
дымясь и вздымаясь и дамбы долбя,  
соленое солнце всосало в себя.  
Любимая, спи...  
Мою душу не мучай.  
Уже засыпают и горы и степь.  
И пес наш хромучий,  
лохмато дремучий,  
ложится и лижет соленую цепь.  
И ветви — всем ропотом,  
и волны — всем топотом,  
и всем своим опытом —  
пес на цепи,  
а я тебе — шепотом,  
потом — полусшепотом,  
потом — уже молча:  
«Любимая, спи...»

Любимая, спи...  
Позабудь, что мы в ссоре.  
Представь:  
Просыпаемся.

Свежесть во всем.

Мы в сене.

Мы сони.

И дышит мацони  
откуда-то снизу,  
из погреба —

в сон.

О, как мне заставить  
все это представить  
тебя, недоверу?

Любимая, спи...

Во сне улыбайся.

Все слезы отставить!

Цветы собирай

и гадай, где поставить,  
и множество платяев красивых купи.  
Бормочется?

Видно, устала ворочаться?

Ты в сон завернись и окутайся им.

Во сне можно видеть все то, что захочется,  
все то, что бормочется,

если не спим.

Не спать безрассудно

и даже подсудно:

ведь все, что подспудно,

кричит в глубине.

Глазам твоим трудно.

В них так многолюдно.

Под веками легче им будет во сне.

Любимая, спи...

Что причина бессонницы?

Ревущее море?

Деревьев мольба?

Дурные предчувствия?

Чья-то бессовестность?

А может, не чья-то,

а просто моя?!

Любимая, спи...

Ничего не попишешь,

но знай, что невинен я в этой вине.

Прости меня — слышишь?

Люби меня — слышишь?

Хотя бы во сне!

Хотя бы во сне!



Любимая, спи...

Мы на шаре земном,  
сви́репо летящем,  
и надо обня́ться, грозящем взорваться,  
чтоб вниз не сорваться,  
а если сорваться —  
сорваться вдвоем.

Любимая, спи...

Ты обид не копи.  
Пусть со́ники тихо в глаза заселяются.  
Так тяжко на шаре земном засыпается!..  
И все-таки —

слышишь, любимая? —

спи...

И ветви — всем ропотом,  
и волны — всем топотом,  
и всем своим опытом —  
пес на цепи,  
а я тебе — шепотом,  
потом — полушепотом,  
потом — уже молча:

«Любимая, спи...»

1963.

\* \* \*

Нет, мне ни в чем не надо половины!  
Мне дай всю землю, небо все положь!  
Моря и реки, горные лавины —  
мои! Не соглашаюсь на дележ!

Нет, жизнь, меня ты не заластишь частью,  
Все полностью! Мне это по плечу!  
Я не хочу ни половины счастья,  
ни половины горя не хочу!

Хочу лишь половину той подушки,  
где, бережно прижатое к щеке,  
беспомощной звездой, звездой падучей  
кольцо мерцает на твоей руке..

1963.



Идут белые снѣги,  
как по нитке скользят..  
Жить и жить бы на свете,  
да, наверно, нельзя.

Чьи-то души, бесследно  
растворяясь вдали,  
словно белые снега,  
идут в небо с земли.

Идут белые снега..  
И я тоже уйду.  
Не печалюсь о смерти  
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо.  
Я не снег, не звезда,  
и я больше не буду  
никогда, никогда.

И я думаю, грешный, —  
ну, а кем же я был,  
что я в жизни поспешной  
больше жизни любил?

А любил я Россию  
всею кровью, хребтом —  
ее реки в разливе  
и когда подо льдом,

дух ее пятистенков,  
дух ее сосняков,  
ее Пушкина, Стеньку  
и ее стариков.

Если было несладко,  
я не шибко тужил.  
Пусть я прожил нескладно, —  
для России я жил.

И надеждою маюсь,  
полный тайных тревог,  
что хоть малую малость  
я России помог.

Пусть она позабудет  
про меня без труда,  
только пусть она будет  
навсегда, навсегда...

Идут белые снега,  
как во все времена,  
как при Пушкине, Стеньке  
и как после меня.

Идут снега большие,  
аж до боли светлы,  
и мои и чужие  
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,  
но надежда моя —  
если будет Россия,  
значит, буду и я...

1965.

## ОСЕНЬ

Внутри меня осенняя пора.  
Внутри меня прозрачно и прохладно.  
И мне печально, но не безотрадно,  
и полон я смиренья и добра.

А если я бушую иногда,  
то это я бушую, облетая,  
и мысль приходит грустная, простая,  
что бушевать — не главная нужда.

А главная нужда — чтоб удалось  
себя и мир борьбы и потрясений  
увидеть в обнаженности осенней,  
когда и ты и мир видны насквозь.

Прозренья — это дети тишины.  
Не страшно, если шумно не бушуем.  
Спокойно сбросить все, что было шумом,  
во имя новых листьев мы должны.

Случилось что-то, видимо, со мной,  
и лишь на тишину я полагаюсь,  
где листья, друг на друга налагаясь,  
неслышимо становятся землей.

И видишь все, как с некой высоты,  
когда сумеешь к сроку листья сбросить,  
когда бесстрастно внутренняя осень  
кладет на лоб воздушные персты.

1965.

### **ГРАЖДАНЕ, ПОСЛУШАЙТЕ МЕНЯ!..**

Я на пароходе «Маяковский»,  
а в душе — Есенина березки,  
мыслей безбилетных толкотня.  
Не пойму я — слышится мне, что ли? —  
полное смятения и боли:  
«Граждане, послушайте меня!..»

Палуба сгибается и стонет.  
Под гармошку палуба чарльстонит,  
а на баке, тоненько моля,  
пробует пробиться одичало  
песенки свербящее начало:  
«Граждане, послушайте меня...»

Там сидит солдат на бочкотаре.  
Прислонился чубом он к гитаре,  
пальцами растерянню мудря.  
Он гитару и себя изводит,  
а из губ мучительно исходит:  
«Граждане, послушайте меня!..»

Граждане не хотят его слушать.  
Кой-кому бы выпить, да откусать,  
и сплясать, а прочее — мура!  
Впрочем, нет, еще поспать им важно..  
Что он им заладил неотвязно:  
«Граждане, послушайте меня!..»

Кто-то помидор со вкусом солит,  
кто-то карты сальные мусолит,  
кто-то сапогами пол мозолит,

кто-то у гармошки рвет меха,  
но ведь сколько раз в любом кричало  
и шептало это же начало:  
«Граждане, послушайте меня...»

Кто-то их порой не слушал тоже.  
Распирая ребра и корежа,  
высказаться суть их не могла.  
Вряд ли, что с недоброю душою,  
но не слышат граждане чужое:  
«Граждане, послушайте меня...»

Эх, солдат на фоне бочкотары,  
я такой же, только без гитары...  
Через реки, горы и моря  
и бреду, и руки простираю,  
и, уже охрипший, повторяю:  
«Граждане, послушайте меня...»

Страшно, если слушать не желают.  
Страшно, если слушать начинают.  
Вдруг вся песня в целом-то мелка?  
Вдруг в ней все ничтожно будет, кроме  
этого мучительного, с кровью:  
«Граждане, послушайте меня...»

1963.

### **ПРОЦЕССИЯ С МАДОННОЙ**

В городишке тихом — Таормина  
стройно шла процессия с мадонной.  
Дым свечей всходил и таял мирно,  
невесомый, словно тайна мига.

Впереди шли девочки — все в белом  
и держали свечи крепко-крепко.  
Шли они с восторгом оробелым,  
полные собой и миром целым.

И глядели девочки на свечи  
и в неверном пламени дрожащем  
видели загадочные встречи,  
слышали заманчивые речи.

Девочкам надеяться пристало.  
Время обмануться не настало,  
но, как будто их судьба, за ними  
позади шли женщины устало.

Позади шли женщины — все в черном  
и держали свечи тоже крепко.  
Шли тяжелым шагом удрученным,  
полные обманом уличенным.

И глядели женщины на свечи,  
и в неверном пламени дрожащем  
видели детей худые плечи,  
слышали мужей тупые речи.

Шли все вместе, улицы минуя,  
матерью мадонну именую,  
и несли мадонну на носилках,  
будто бы стоячую больную.

И мадонна, видимо, болела  
равно и за девочек и женщин,  
но мадонна, видимо, велела,  
чтобы был такой порядок вечен.

Я смотрел, идя с мадонной рядом,  
ни светло, ни горестно на свечи,  
а каким-то двуединым взглядом,  
полным и надеждою и ядом.

Так вот и живу — необрученным  
и уже навеки обреченным  
где-то между девочками в белом  
и седыми женщинами в черном.

1965. Сицилия.

## ПОЭТ

*В. Корнилову*

Предоущение стиха  
у настоящего поэта  
есть ощущение греха,  
что совершен когда-то, где-то.

Пусть совершен тот грех не им —  
себя считает он повинным,  
настолько с племенем земным  
он сросся чувством пуповины.

И он по свету, сам не свой,  
бежит от славы и восторга  
всегда с повинной головой,  
но только — поднятой высоко.

Потери мира и войны,  
любая сломанная ветка  
в нем вырастают до вины,  
его вины — не просто века.

И жизнь своя ему страшна.  
Она грешным-грешна подавно.  
Любая женщина — вина,  
дар без возможности отдарка.

Поэтом вечно движет стыд,  
его кидая в необъятность,  
и он костями мосты мостит,  
оплачивая неоплатность.

А там, а там, в конце пути,  
который есть, куда ни деться,  
он скажет: «Господи, прости...»,  
на это даже не надеясь.

И дух от плоти отойдет,  
и — в пекло, раем не прельщенный,  
прощенный господом, да вот  
самим собою не прощенный...

1965.

\* \* \*

Пришли иные времена.  
Взошли иные имена.

Они толкаются, бегут.  
Они врагов себе пекут,  
приносят неудобства  
и вызывают злобства.

Ну, а зато они — «вожди»,  
и их девчонки ждут в дожди,  
и, вглядываясь в сумрак,  
украдкой брови слюнят.

А где твои девчонки, где?  
Для их здоровья — на дожде  
опасно — не иначе.  
Детишек надо нянчить.

А где, а где твои враги?  
Хоть их искать теперь беги.  
Да вот они — радушно  
кивают равнодушно.

Украли всех твоих врагов.  
Украли легкий стук шагов,  
украли чей-то шепот...  
Остался только опыт.

Так что же ты загоревал?  
Скажи, ты сам не воровал,  
не заводя учета,  
все это у кого-то?

Любая юность — воровство,  
и в этом — жизни волшебство.  
Ничто в ней не уходит,  
а просто переходит.

Ты не завидуй. Будь мудрей.  
Воров счастливых пожалей.  
Ведь как ни озоруют,  
их тоже обворуют.

Придут иные времена.  
Взойдут иные имена.

1965.

---



## СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Со мною вот что происходит...» . . . . .	3
Одиночество . . . . .	4
Не надо . . . . .	7
По Печоре . . . . .	8
«Когда взошло твое лицо...» . . . . .	11
«Ты начисто притворства лишена...» . . . . .	12
Лишнее чудо . . . . .	13
«Всегда найдется женская рука...» . . . . .	14
Тайны . . . . .	15
Люди . . . . .	16
Третья память . . . . .	17
«Очарованья ранние прекрасны...» . . . . .	19
Смеялись люди за стеной . . . . .	19
«Я, как поезд...» . . . . .	21
Любимая, спи... . . . .	22
«Нет, мне ни в чем не надо половины...» . . . . .	24
«Идут белые снеги...» . . . . .	25
Осень . . . . .	26
Граждане, послушайте меня!.. . . . .	27
Процессия с мадонной . . . . .	28
Поэт . . . . .	29
«Пришли иные времена...» . . . . .	30

**Евгений Александрович Евтушенко**

СО МНОЮ ВОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ...

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 10548. Подписано к печати 2/III 1966 г. Тираж 104 400.

Изд. № 522. Заказ 3615. Формат бум. 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Объем 1,0 физ. печ. л.—1,40 условн. печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.  
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

## **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 3% ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ**

является для населения удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений.

По облигациям займа выплачивается доход в виде выигрышей, которые разыгрываются в проводимых ежегодно шести основных и в одном дополнительном тираже.

**Основные тиражи проводятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября, 30 ноября и дополнительный тираж — 30 сентября.**

В каждом основном тираже на 20 разрядов займа разыгрывается 170 000 выигрышей на общую сумму 9 300 400 рублей, а в дополнительном тираже разыгрывается 230 000 выигрышей на общую сумму 22 781 200 рублей.

В основных тиражах разыгрываются выигрыши по 5 000, 2 500, 1 000, 500, 100 и 40 рублей, а в дополнительных тиражах, кроме того, выигрыши по 10 000 рублей.

Выигрыши, выпавшие на облигации в основных тиражах, выплачиваются независимо от срока приобретения облигаций; выигрыши, выпавшие в дополнительных тиражах, выплачиваются при условии, если облигация приобретена в сберегательной кассе не менее чем за девять месяцев до срока дополнительного тиража.

Вероятность выигрыша по облигациям 3% займа с каждым тиражом увеличивается, так как ранее выигравшие облигации погашаются и в дальнейших тиражах не участвуют, а количество выигрышей, разыгрываемых в каждом тираже, остается неизменным.

**Облигации займа продаются и свободно покупаются сберегательными кассами.**

**ПРИБОРАТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ 3% ЗАЙМА**

**Управление гострудсберкасс и госкредита РСФСР**